

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

С. Баруздин

Вежливый БЫЧОК

Рассказы о животных

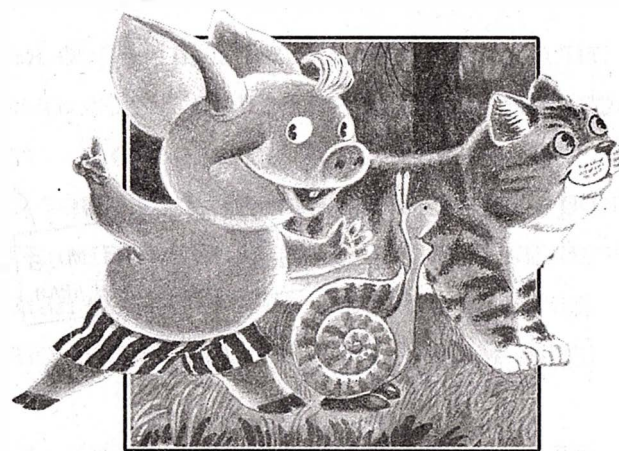
«СТРЕКОЗА»

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

С. Баруздин

Вежливый бычок

Рассказы о животных

Спелая вишня

е раз приглашали меня друзья в деревню под Владимиром на спелую вишню, как они говорили. Я знал, что Владимирщина славится вишней, но выбраться никак не мог. Дела мешали.

И вот вспомнил, выбрался.

Приехал во Владимир, оттуда автобусом в деревню.

Друзья обрадовались, хотя и сказали:

— Жаль только, что вишни в этом году почти не будет. Морозы весной лютовали. Вот прошлым летом и позапрошлым такой урожай был!

Так уж они горевали из-за этой вишни!

Я, признаться, не очень охоч до ягод, и вишню не люблю, но сочувствовал своим друзьям-хозяевам.

Сад у них отменный, рядом лес, речка, жизнь — благодать. Обидно, конечно, что нет вишни, и это так расстраивает хороших людей.

На следующий день я сел в автобус и поехал во Владимир на базар. Там вишня была. Я купил килограмм самой красивой и дорогой и привёз в деревню.

Хозяева были на работе. Я высыпал вишню в тарелку, поставил на стол.

Вот, думал, порадуются, когда вернутся с работы. Есть всё-таки вишня!

До вечера бродил я по лесу и вдоль речки, купался, а потом домой вернулся.

На столе стояла тарелка, но вишни в ней не было. Одни косточки.

Видно, кто-то забежал днём домой и съел вишню. Значит, кстати моя покупка!

Выбросил косточки, сполоснул тарелку.

Вернулись хозяева.

— Как день провёл?

О вишне ни слова.

Я удивился, но промолчал. Рассказал про лес, про речку.

На следующий день опять поехал во Владимир. Вновь купил на базаре килограмм вишни — более красивой и куда дороже вчерашней.

Дома положил вишню в тарелку, но гулять не пошёл. Решил почитать.

Не помню, сколько времени прошло, но вдруг через открытое окно в комнату влетело длинное, тонкое существо с большим пушистым хвостом. Коричневое, почти до ржавчины, а на голове белое пятно. Глазки маленькие, внимательные. На меня смотрит.

Куница!

Неужели куница?

А куница посмотрела на меня, убедилась, что я замер от неожиданности, и прыжком — на стол к тарелке с вишнями.

Удобно уселась, как белка, подняла передние сильные лапки и спокойно принялась за дело. Ягода в рот, косточка на край тарелки. Ещё ягода и ещё косточка. За полчаса всю тарелку опорожнила. Облизалась, посмотрела на меня — мол, спасибо-прощай, и в окно.

Знал я, что куница — смелый хищник. Знал, что охотится она на мышей и птиц, зайцев и водяных крыс, но вот — вишня!

Я прожил у своих друзей две недели. Они ещё не раз жаловались мне на неурожай вишни.

А я был доволен. Деревня, сад, лес, речка да плюс куница, которая так любит спелую вишню.

Уже ради этого стоило поехать в деревню.

Слепыши

Знал я до войны, мальчишкой, многих животных. Морские свинки у меня водились, белые крысы и мыши, зайцев и кроликов я знал, ленивца в зоопарке видел, дикобраза тоже. Кротов

в деревне ловил. Мечтал увидеть тушканчика. Не увидел. Мечтал увидеть бобра, ондатру. Говорили, мех у них дорогой, красивый. Не видел.

И вот в войну, уже в Германии, после тяжких боев, остановились мы в одной деревне на ночь. Шел сорок пятый год, победный.

Небольшая деревушка с большими сараями, аккуратные улочки, в сараях сено, прошлогоднее, но сильно пахнущее. Как дома, в России.

Мы разместились на сеновале. Лучше, чем в чужом доме с привычными перинами вместо одеял и неподходящим для солдата порядком и чисто немецкой аккуратностью!

Немецкий сеновал был чуть ближе к России. Так казалось, и так и в самом деле было.

Уснули. После боёв, победных радостей и похорон убитых товарищей уснули крепко.

Война есть война. И вдруг:

— Слышишь?

Мой сосед — солдат трясёт меня.

— Что? Немцы?

— Какие немцы! Проснись! — будит меня товарищ. — Прислушайся.

— Проснулся, прислушался.

Правда, на сеновале где-то шуршит и попискивает. В разных концах сарая. Все наши ребята вроде спокойно спят, а мы с соседом слышим что-то непривычное.

— Крысы? — догадался я.

Нам не раз на войне приходилось сталкиваться с крысами.

— Может, и крысы, — сказал мой товарищ шепотом, — но что-то большие, мокрые и ласковые. Я одну схватил, но уползла... не укусила.

Я окончательно проснулся.

Мы спустились вниз и тут увидели действительно странных животных.

Вроде крысы и не крысы совсем. Скорей, кроты, но большие, хвостов длинных не видно. А головы тупорылые, толще туловища. Шеи нет совсем. И глаз нет.

— Они же слепые, — сказал мой товарищ. — Слепыши!

Слепые не слепые, а зверьки двигались по сараю, давали искать себя, но тут же убегали в сторону. Даже в темноте сарая светлели их жёлто-коричневые с пепельным оттенком шкурки.

— Правда, симпатичные? — спросил меня товарищ.

— На кротов похожи, — сказал я. — Мех какой-то очень ценный.

Зверьки, а их было пять, как мы подсчитали, удрали в дверь сарая.

Солдаты спали.

Ни зверьки, ни мы не разбудили их своей возней.

И мы завалились спать.

— Смешно, — сказал мой сосед.

— Забавно, — сказал я, поудобнее устраиваясь на сене. — Таких кротов я никогда не видел.

— Жалко их! Пропадут! — сказал сосед, засыпая. — И таких зверюк, слепышей, война разбудила.

Только после войны узнал я, что правда, есть на свете грызуны — слепыши. Живут в норах, как кроты, а по ночам выходят на землю. Меха их очень высоко ценятся. Видно, тех слепышей, в самом деле, война разбудила и загнала в сарай, на сеновал.

Одного до сих пор понять не могу, как мой товарищ угадал, что это — слепыши.

И спросить не могу. Он погиб на следующее утро в тяжёлом бою возле другой немецкой деревни.

Простуженный ёжик

Было это поздней осенью в последний год войны. Шли бои на польской земле.

Однажды ночью мы обосновались в лесу. Разожгли костёр, согрели чай. Все улеглись спать, а я

остался дежурить. Через два часа меня должен был сменить на посту другой солдат.

Сидел я с автоматом у догоравшего костра, на угольки посматривал, к шорохам лесным прислушивался. Ветер шелестит сухой листвой да в голых ветвях посвистывает.

Вдруг слышу — шорох. Будто кто-то по земле ползёт. Я встал. Автомат наготове держу. Слушаю — шорох смолк. Опять сел. Снова шуршит. Где-то совсем рядом со мной.

Что за оказия!

Глянул я под ноги. Вижу — кучка сухой листвы, да будто живая: сама собой движется. А внутри, в листьях, что-то фыркает, чихает. Здорово чихает! Присмотрелся получше: ёжик. Мордочка с маленькими чёрными глазками, уши торчком, на грязно-жёлтых иглах листья наколоты. Подтащил ёжик листья поближе к тёплому местечку, где костёр был, поводил носом по земле, чихнул несколько раз. Видно, простудился от холода.

Тут время моей смены настало. Заступил на пост солдат — казах Ахметвалиев. Увидел он ежа, услышал, как тот чихает, и ну меня ругать:

— Ай, нехорошо! Ай, нехорошо! Сидишь и смотришь спокойно. А у него, может, грипп или воспаление. Смотри, весь дрожит. И температура, наверное, очень большая. В машину его надо

взять, лечить его надо, а потом на волю выпустить...

Так мы и сделали. Положили ёжика вместе с охапкой листьев в наш походный «газик». А Ахметвалиев на следующий день тёплого молока где-то раздобыл. Ёжик напился молока, согрелся и опять уснул. За всю дорогу несколько раз чихнул и перестал — поправился. Так всю зиму у нас в машине и прожил!

А когда весна настала, мы его на волю выпустили. На свежую травку. И какой день тогда выдался! Яркий, солнечный! Настоящий весенний день!

Только было это уже в Чехословакии. Ведь и весну и победу мы там встречали.

ЕНОТ-ПОЛОСКУН

С детства запомнилось, с довоенных времён. В Москве, в уголке Дурова я видел зверька, который всё время что-то стирал. Зверёк-прачка!

Симпатичный, с коротким туловищем, стоячими ушами, одетый в желтовато-серый мех, и на лбу и на кончике носа тёмно-бурые пятна. И хвост большой, но короче, чем у белки, в чёрных кольцах!

Мне сказали, что это — енот.

И что его так выдрессировали, что он умеет стирать бельё.

Еноту подбрасывали разные тряпочки, какое-то кукольное бельишко, и он моментально хватал всё в свои передние лапы, опускал в воду и потом забавно тёр, стирал... При этом без конца поглядывал на нас, посетителей, словно хотел похвастаться:

— Вам не нравится? Вот я такой!

В уголке Дурова я с той поры не был, а вот недавно в Нью-Йорке опять встретился с енотом.

Как-то вечером мы были в гостях у одного рабочего. Принимали нас хорошо, много спрашивали о России, которую в Америке до сих пор плохо знают.

А потом хозяин сказал:

— Хотите, я вас сейчас чуть позабавлю? Познакомлю вас со своим Джоном!

Он вышел из комнаты и вскоре принёс в руках желтовато-мохнатого зверька с хвостом в чёрных кольцах. Жена хозяина помогала ему. На полу оказался тазик с водой.

— Енот! — сразу же догадался я.

— Угадали, енот! — ответил хозяин. — Вы — русские всё знаете. А ко мне дружки заходят и не все соображают, что за зверь...

Зверёк с любопытством посмотрел на стол, на нас и суетливо забегал по комнате. Потом подбежал к окну, поднялся на лапы и уцепился за занавеску. Уцепился и начал качаться, склоняя голову набок и хитро поглядывая на нас.

— Давай, Джон! Давай! Покажи своё искусство! — говорил хозяин.

И Джон показывал своё искусство. Подбежал к столу и по скатерти забрался на руки хозяина. Выхватил из его рук кусок пирога, передвинул фужер с вином, понюхав содержимое, а потом схватил вилку и умчался на пол к тазу с водой. И начал мыть вилку.

— Ещё, Джон! Ещё! — говорил хозяин.

И Джон схватил ложку, нож, салфетку и всё аккуратно перемыл.

На хозяина да и на нас он смотрел влюбленными, преданными глазами. Словно собака.

— Вы — дрессировщик? — спросил я у хозяина. — Или в цирке работаете?

Ведь я знал, что наш хозяин — рабочий.

— Да что вы! Какой цирк! — удивился хозяин. — Я у Форда работаю, на сборочном. А Джона случайно подобрал у одного нищего. И дрессировать его не нужно. Он сам по себе полоскун. Есть такая порода. И всё делает по собственному желанию. Наша работа в одном — любить его нужно. А он это ценит. Потому и ручной...

Их было двое...

Их было двое — он и она.

Они прилетели в наш подмосковный посёлок весной и осели на пруду. Лёд уже стоял, и они гордо плавали, поднимая-опуская свои красивые шеи с чёрно-жёлтыми клювами.

Лебединая пара.

Откуда она прилетела и почему выбрала наш, не самый лучший в мире пруд, никто не знал. А пруд и правда не самый лучший. Многие годы никто его не чистит, и уже в начале лета он начинает цвести. И только отчаянные мальчишки-купальщики ежедневно разгоняют зелень, прибивая её к берегам. К концу лета пруд зарастает почти полностью.

И всё-таки лебединая пара выбрала наш пруд. И поселилась там.

Весть эту в начале мая принесли мальчишки:

— Лебеди на пруду!

— Белые!

— Ручные совсем!

— Позови: на берег выходят, кричат!

— И не улетают!

Все мы ходили смотреть лебедей. Они плавали, а потом охотно выходили на берег к людям и не боялись нас.

Он и она.

Лебедь и лебёдушка.

Стали их подкармливать.

— Рыбы у нас в пруду давно нет, — говорили одни.

— Какая теперь рыба! — сетовали другие.

— Да нет, рыбёшка мелкая есть, — не соглашались третьи. — Им хватит, не на удочку небось ловят.

Это говорили немногие рыбаки, которые по традиции выходили на пруд с удочками.

А подкармливали лебедей хлебом, колбасой, сыром и даже рыбой — треской, которую в магазине почти каждый день продавали.

Лебеди тянулись к людям.

Он и она.

Лебедь и лебёдушка.

Люди привыкли к лебедям. Гордились ими. Не на каждом пруду такие водятся!

Кончился май. Прошёл июнь.

Люди ещё больше привыкли к лебединой паре.

И лебеди ещё больше привыкли к людям.

В непогоду выходили на берег. Если никого не было, шли дальше — к домам.

И ко мне на дачу приходили, благо она почти рядом.

Пёс мой Тошка поначалу пугал их, но они были не из пугливых. И Тошка отстал. Не придирался.

Делал вид, что не замечает. А лебеди спокойно ходили рядом с Тошкой, но больше тянулись к нам.

Он и она.

Лебедь и лебёдушка.

Полакомившись, они отправлялись в сторону пруда, и Тошка уже не догонял их.

Но вот в июле случился у нас в Подмоскowie страшный ураган. Деревья ломал и вырывал с корнем. Крыши сносил и выбивал стёкла. Конечно, все были обеспокоены. И про лебедей забыли.

Кончился ураган, вспомнили.

Пришли на пруд: нет лебединой пары.

Первую весть принесли мальчишки-купальщики:

— А её, лебёдушку, о мачту разбило...

Мы пошли в поле, где стояли серебристые мачты высоковольтной электролинии, и нашли под одной из них погибшую лебёдушку.

— Ураган занёс, — сказали мальчишки, хотя и так всё было ясно.

Но где лебедь?

Почему его нет на пруду?

Ведь ураган давно кончился.

Мы закопали лебёдушку в землю и вернулись домой.

Через день-другой пронёсся слух:

— Лебедь бродит по дачам, а к пруду не подходит.

Оказывается, и там его видели, и там, как донесли мальчишки.

На пятый день после урагана лебедь пришёл ко мне на дачу. Гордый, но уже не такой красивый, как прежде. И не белый, а грязный.

Неохотно принял еду. На Тошку не посмотрел, хотя тот старался: скулил и лаял.

И ушёл.

Вяло ушёл.

Больше я его не видел.

Их было двое — он и она.

Лебединая пара.

Она погибла.

Как говорят люди, он в тот день, когда приходил ко мне на дачу, тоже погиб.

Пошёл на пруд, поплавал, деловито почистил пёрышки и взлетел в небо.

Он долго парил в воздухе, словно выбирал направление. Потом выбрал и полетел в сторону серебристой мачты высоковольтной электролинии. И ударился о неё.

Это мальчишки мне рассказали.

Они закопали лебедя в землю рядом с лебедушкой.

А я туда не ходил.

Случай в поезде

Тигрица Астра много путешествует. И на автомобилях, и на самолётах, и на поездах. Она — актриса цирка, и привыкла к такой жизни, и жизнь ей эта нравится. Дороги, манеж, зрители, а главное, рядом её лучший друг, воспитатель, человек — Николай Карлович Павленко.

Она, конечно, не знает фамилии и имени своего дрессировщика, но она знает его лицо, его руки, его улыбку. Всё это ей, Астре, по душе. И по душе он сам, который кормит её, заставляет выполнять всяческие трюки, порой сердится, и ласкает, если не прав — Астра знает это — извиняется перед ней.

А ведь в цирке есть и другие люди, но Павленко для Астры лучше всех. Астра знает это. Она родилась в цирке, и рядом был Павленко. Так ей казалось. Потом она жила дома у Павленко, и он возил её, маленькую, в цирк. Тогда она боялась цирка. И даже кусала Павленко. Стыдно вспомнить. А позже и Павленко, и цирк — всё стало её судьбой. Она не может сейчас жить без цирка, как и Павленко...

Выступали они и в Москве, и за границей, летали, ездили, а сейчас — путешествие по Уралу. Разные города. Разные страны. И самолёты и поезда между городами.

Астра старалась. Как могла, старалась. Эта поездка была для неё самой трудной.

Она, Астра, впервые должна стать мамой. Вот-вот!

Совсем близко. Она чувствует это, всё понимает, переезжает от одного уральского города в другой, выступает перед людьми вместе с Павленко, и люди довольны ею, и Павленко доволен, но знает ли он это — главное, что она должна стать мамой. Ей казалось, что Павленко не знает...

И вот ещё одно выступление в Нижнем Тагиле. Астра выполнила всё, как надо. Цирк хлопал!

После выступления Павленко привёз всех и её, Астру, к поезду. Разместились в двух товарных вагонах, которые прицепили к пассажирским. Впереди Свердловск, и опять выступления.

Астре было плохо. Павленко хлопотал вокруг неё и вокруг других зверей, бегал, суетился, с кем-то спорил, кому-то доказывал что-то...

И Астра, видя это, ещё больше сердилась на Павленко, на любимого человека, с которым она вот уже восемь лет выступает в цирке.

Поезд тронулся.

Нет, определённо Павленко не знает, что я должна быть мамой, посчитала Астра. Обидно, горько, что он этого не знает...

А поезд шёл.

Лишь два раза подбегал Павленко к Астре, к её клетке.

— Будь умницей, — говорил Павленко. — Ты у меня — герой! Ты самая лучшая из всех лучших!

А ей, Астре, казалось, что он говорит не те слова. И не обращает на неё внимания, а хлопочет вокруг других зверей. Они тоже нравятся Астре, и она с удовольствием выступает вместе с ними в цирке...

Но ведь сейчас она должна стать мамой.

Поезд продолжал грохотать по рельсам.

И Астра всё больше сердилась, ей было совсем худо.

И, наверно, потому, когда Павленко опять подошёл к ней и говорил ей что-то, она вцепилась в его руку зубами... Сильно вцепилась. Такого раньше не случалось...

— Вот всё, как хорошо, Астрочка! Умница моя! Ты стала мамой. Сразу четыре малыша! Четыре! Понимаешь! — говорил Павленко.

Астра облизывала малышей. Она ничего не понимала.

И шёл поезд, и рядом в клетках были другие звери, а Павленко сидел около неё — и говорил, говорил... А она ничего не понимала, только облизывала своих малышей.

И вдруг она увидела окровавленную руку Павленко. И всё вспомнила.

Павленко что-то ещё говорил, когда Астра, уставшая, с большими глазами, в которых была радость и была грусть, потянулась языком к руке Павленко и сталализывать его рану.

— Ну вот и хорошо, Астрочка, умница моя! А в Свердловске мы выступим. За руку мою не беспокойся, — шептал Павленко. — Дам тебе с малышами отпуск. Отдыхай и не шуми, пожалуйста! Ведь нам выступать...

Ехидна

Кто не слышал слова «ехидна»? — Вот ехидна! — говорят обычно про злого, недоброжелательного, ядовитого человека.

Или:

— Он — мастер ехидничать!

Значит, живёт где-то такой зверь, хуже которого на свете нет, раз его именем самых плохих людей называют.

Так многие считают, так и я долгие годы считал, хотя живую ехидну, кажется, только на картинках в учебнике зоологии видел, да и то давно, в школьные годы.

И вот в Чили, в городе Вальпараисо, попал я в

дом одного профессора — любителя животных. Оказалось, что он, как и я, много путешествовал, но, на зависть мне, не просто смотрел мир, а привозил из каждого путешествия что-то живое. Жили у него дома попугаи всякие, и пяток обезьян, и рыбы — для чилийцев заморские, и даже сумчатая собака, выполнявшая роль обычной нашей дворняги — домашнего сторожа.

Время шло к вечеру.

Профессор как раз вернулся из очередной поездки в Австралию, и я с удовольствием слушал его рассказ про страну, в которой никогда не был. Слушал и всё время посматривал на какой-то необычный ящик, который стоял в комнате. Ящик фанерный, поставленный крышкой кверху, довольно большой для обычного ящика, в котором пересылают по почте посылки. И хотя тут же, в комнате, где мы сидели, стояли клетки с попугаями и птицами, аквариумы с рыбами и террариумы с ящерицами и змеями, стены украшали десятки чучел и коробок с бабочками, этот ящик на паркетном полу выглядел странно.

Неожиданно ящик чуть пошевелился, и изпод него, как мне показалось, мелькнуло что-то длинное, похожее на большого червяка или маленькую змею, и оставило мокрый след на паркете.

Профессор заметил моё любопытство:

— О-о! Это удивительное создание! Я его привёз из Австралии с большими трудностями. Редчайший экземпляр! Даже Брем, Земон и Гааке, не говоря уже о Гарно и Беннет, не могли осуществить то, что, кажется, мне удастся... Только, простите, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!

Профессор назвал имена величайших знатоков животных, которых я знал по книгам, но кто же там, под этим ящиком?

И я не выдержал:

— А всё-таки кто это?

Словно счастливый ребёнок, вдруг узнавший что-то сверхъестественное, солидный профессор прошептал:

— Тише! Этим я и собирался удивить вас!.. Мне уже удавалось. И, кажется, удастся... Только бы не сглазить! Тьфу-тьфу!

Тут хочешь не хочешь ещё больше заинтересуешься. И я даже почувствовал, что вступил в какую-то загадочную игру. Необычную игру! Рядом — профессор, а я чувствую себя мальчишкой. Так интересно! Но и профессор сейчас — почти мальчишка, ребёнок.

— Тише! — шепчет он. — Мне думается, что сейчас...

И это «сейчас» произошло.

Опять ящик пошевелился, опять из-под него

высунулось что-то длинное, слюнявое и теперь уже явно похожее на язык, и вслед за ним явился нос. То ли нос, или клюв, как у птицы. Но похож он был на трубку. И маленький рот, из которого выскакивал язык.

Мы замерли.

Профессор молчаливо ликовал.

На паркет вылезло существо странное, но и чем-то на кого-то похожее. Ёжик! Конечно, почти наш ёжик! Только размером больше — раза в три, да и с носом необыкновенным, и...

— Иглистая ехидна, — прошептал профессор.

«Неужели ехидна?» — хотел спросить я, но тут было не до слов. Неслышно, низко опустив голову, обнюхивая воздух, чуть суетливо и беспокойно, ехидна прошла по паркету в сторону книжных полок и оттуда посмотрела на нас внимательными, с белыми шерстинками вокруг глазками.

И хрюкнула.

Хрюкнула почти по-пороссячи.

И всё же — почти ёжик. Или крот? Но если ёжик, то очень большой.

На спине среди гладкой коричневатой щетины — иглы. Частые-частые. Вроде и не разберёшь, где щетинистая шерсть, где иглы.

Ехидна ещё раз взглянула на нас, хрюкнула и, скребнув по паркету сильными лапами, скрылась где-то за книжными полками, у окна.

— Очень занятная зверюшка! Впервые вижу! — сказал я.

Профессор был счастлив.

Он рассказывал о том, как кормит ехидну муравьями и термитами, как поит водой с мёдом или сахаром, как отвёл для неё в сарае специальное место, где она зарывается в землю, и ещё, и ещё всякое.

Правда, я не видел, как ласково облизывает ехидна руки профессору, как узнает его по голосу, как по ночам возвращается из сарая домой, но, право, зверюшка эта мне очень понравилась. И ничего не было в ней «ехидного».

Думаю, мой друг чилийский профессор может гордиться, что ему удалось приручить австралийскую иглистую ехидну, чего не удавалось прежде ни Брему, ни Земону, ни Гааке, никому из других крупных знатоков и любителей животных. Вот только не знаю, как сейчас живёт сам профессор. В 1973 году в Чили произошли страшные события. Фашисты совершили военный переворот. Много людей погибло и гибнет в Чили. Много хороших людей.

Коллективная печка

Зима в тот год выдалась такая суровая, какой в Подмосковье давно никто не помнил. То дожди в декабре и даже в январе, а тут прихватил мороз, как в Якутии: день — за тридцать, и второй — под тридцать, и опять — за тридцать. Мороза, конечно.

Если бы не собака, с которой хочешь не хочешь надо гулять, я бы и на улицу не вылезал в такие дни. На даче тепло — дрова, печка! А на улице — борода к усам примерзает...

Но что делать — приходится.

Гуляем мы с собакой реже обычного, она свои дела делает быстро-быстро, на меня смотрит — мёрзну ли я? А сама тоже мёрзнет. Лапы греет на ходу, облизывает, а потом скорей назад, и дома уже долго слизывает ледышки с подушек ног — очень уж они ей неприятны!

На улице никого. Люди за воротами и то редко пробегают. Машины — реже. Кого в такой мороз да ещё за городом на улицу выгонишь?

В одну из таких вынужденных прогулок с собакой слышалось мне на сосне или на ели, они рядом у нас растут, что-то живое. Кто-то вроде бы шевелился, голоса подавал, снег чуть-чуть стряхивал.

«Ясно, показалось, — решил я. — Какая тут живность по такому морозу. Воробья и то не увидишь».

Вернулись мы с собакой домой, она, как все эти дни, от ледышек на лапах освободилась, легла спать.

Ночью вдруг закричала собака, потом чуть заскулила, а когда я включил свет, тихо залаяла.

Что случилось?

Пришлось вставать. Собака вскочила — и в соседнюю комнату уже с громким лаем.

Включил я свет, и вот чудо: на кресле в пуховом платке, который оставила жена перед отъездом в командировку, а я так и не убрал его, сидят, тесно прижавшись друг к дружке, три крохотные взъерошенные пичуги. Головки жёлтые, пёрышки подняты, а сами чуть больше спичечных коробков. Глазки — круглые, испуганные. Как-никак собака рядом крутится.

В тот момент я не понял, что это за птицы, а только увидел, что открыта у нас форточка, в которую они влетели. Отогнал собаку, взял всех троих, похожих на малых птенцов, в руки, отогрел и оставил у себя до потепления.

Собака привыкла к ним. Я привык. Летали они по комнате, как по улице, но держались всё время вместе и спать ложились вместе, тесно прижавшись друг к дружке. В то самое кре-

сло с пуховым платком, который жена оставила...

Отпустил я их, когда на улице чуть потеплело.

А потом уже, через несколько лет, узнал, что есть на свете такие птицы — корольки. Малые, но любые морозы переносящие. В холод скрываются они в ветках хвой елей или сосен, прижимаются друг к дружке, пёрышки встряхивают, и вот вам — коллективная печка! Один замёрзнешь, а вместе, коллективно, не пропадёшь!

Только в ту зиму, видно, мороз сильнее оказался!

Смелый поросёнок

Эту историю узнал я в Латвии, в небольшом посёлке. Один рыбак решил купить поросёнка. Узнал, что в соседнем посёлке, за рекой Даугавой, у человека свинья опоросилась и есть у него лишние поросята. Месяцев трёх от роду.

Сел рыбак в лодку, переплыл широкую в этих местах Даугаву и нашёл нужного человека.

— Говорят, лишние поросята у тебя есть? — спрашивает.

— Есть.

— Продашь?

— А что ж не продать? Много ли нужно?

— Да мне одного...

— А-а! — сказал хозяин поросят. — Так иди сам выбирай. Вон у меня сколько, одиннадцать штук!

— А дорого?

— Да какой дорого! Почти бесплатно отдам! Двадцать рублей — чепуха. Что мне свиноферму содержать! Я всё же рыбак, а не свинопас...

Пошли в сарай, отобрал рыбак самого шустрого поросёнка, расплатился и стал собираться в обратный путь.

Поросёнок — бодрый, с розовым пяточком — повизжал-попищал, пока его от своих собратьев отняли и в мешок сунули, а потом успокоился.

Принёс рыбак мешок с поросёнком к реке, положил в лодку, переплыл Даугаву.

Дома выпустил поросёнка. В специальный загончик с оградой. Заранее построил.

Поросёнок похрюкал-понюхал, обошёл своё новое жильё из края в край, от угла до угла, даже поел, и всем очень понравился. Самому рыбаку, что привёз его, а ещё важнее — жене его и трём девочкам — дочкам. Они весь этот день только и возились вокруг поросёнка, и ласкали его, и кормили, и хвалили хозяина дома — мужа и отца:

— Ну и молодец ты! Достал то, что надо!

День был свободный, воскресный, а наутро в

понедельник все разошлись по своим делам: рыбак — в море, жена рыбака — в детский сад, она там воспитательница, а дочери — в школу. Все посмотрели на поросёнка, кто-то еду ему дал, кто-то ушки и бок почесал, и разошлись...

Днём первыми вернулись дочери. Вернулись все три, но только одна заметила:

— А где поросёнок?

Поросёнка в загончике не было.

— Где ему быть? — сказала вторая.

— Найдётся! — сказала третья. — Куда он денется?

Потом мама пришла — удивилась:

— Где он?

Отец пришёл позже всех, искал поросёнка всюду, всё обегал, не нашёл.

— Украли, — сказала мама.

— Если украли, это очень плохо, — сказал отец. — У нас такого никогда не было!

И наутро, и на следующее утро поросёнка так и не нашли.

Через два дня кто-то постучался в дом рыбака. Вместе со стуком поросёнычье хрюканье послышалось.

Открыли дверь: стоит хозяин поросёнка, а в руках у него знакомый поросёнок.

— Простите, извините, он назад вернулся...

— Как так — вернулся? Ведь река...

— Переплыл, значит, и домой пришёл. Я уж из своих одиннадцати пятерых продал, никто не вернулся, а этот, смотрю, трётся рядом с поросятами оставшимися, сразу узнал. Вы уж его возьмите да закройте покрепче.

Рыбак и хозяин поросёнка ещё о чём-то долго говорили. Один удивлялся и другой удивлялся. Ведь как-никак Даугава — большая река. В этих местах метров двести, не меньше. Один рыбак советовал другому, как лучше загончик для поросёнка оградить, другой приглашал за стол. Так, впрочем, и случилось. Посидели за столом, и не один час. Даже какую-то интересную передачу по телевизору посмотрели.

Расстались настоящими — на всю жизнь! — друзьями.

Загончик укрепили, поросёнка поласкали, каждый по-своему, а когда шли к реке, даже расцеловались:

— Прощай, приятель!

— Счастья тебе, друг!

Ещё три дня поросёнок был на месте. Даже заметно вырос.

А на четвёртый день поросёнка опять не стало.

Обошёл рыбак поросячий загончик, обнаружил в одном месте подкоп — всё понял и искать поросёнка не пошёл.

Пошёл к жене.

— Дай двадцать рублей, — говорит. — Я поеду...

— Почему двадцать? — спрашивает жена. — Ты же и так двадцать платил.

— Двадцать — тогда, когда никто ничего не знал, — говорит рыбак. — А так человек страдает, совестно ему, что такого стервозного поросёнка нам продал. Так что давай двадцать... Надо его успокоить, а поросёнка я больше не возьму.

Переехал рыбак Даугаву. Поросёнок только хрюкнул, увидев его.

Посидели они с хозяином поросёнка час или два за столом. Долго удивлялись, как это поросёнок — «смелый он парень!» — второй раз широко Даугаву переплыл, а потом забыли о поросёнке и просто говорили о том, что теперь они лучшие друзья и надо чаще приезжать друг к другу в гости. Уж не так далеко это для людей, если для поросёнка близко.

«Зи-зи»

Ты слышал? — спросил меня сын.
— Что? — не понял я.

— Ну, папа! — сказала дочь. — Ты слышал «зи-зи»?

Каюсь, не слышал. Смотрели на даче по телевизору хоккей, может быть, я что-то пропустил.

— А что?

— Ну «зи-зи»! За окном, — сказал сын.

— Послушай внимательно! — наставительно сказала дочь. Она умеет так говорить.

Мы выключили телевизор.

И действительно, за окном:

«Зи-зи! Зи-зи!..»

Будто кто-то дразнил нас.

«Зи-зи!..» — повторилось за окном.

Я открыл окно, и тут уж началось бесконечное:

«Зи-зи! Цит!.. Зи-зи! Цит! Зи-зи!..»

— Слышишь? — спросила дочь.

— Слышу, — сказал я.

— И я говорил, — сказал сын.

«Зи-зи! Цит! Зи-зи!..» — вновь раздалось в открытое окно.

— Мне это не нравится, — сказала жена. — Кто это?

Я пошёл на улицу. Искал, никого не нашёл.

Наутро, когда только рассвело, мы ещё спали, опять в открытое окно раздалось:

«Зи-зи! Зи-зи! Цит... Зи-зи! Зи-зи! Цит...»

Ну что делать?

Опять вышел я на улицу и полусонными глазами стал искать того, кто так пронзительно кричит это «Зи-зи! Цит!..»

И нашёл...

Сидит на ветке рябины малая птаха. Рядом с открытым нашим окном. Оливково-зелёная сверху. Шейка бледно-бурая. Над глазами — белое кольцо. Пёрышки жёлтые, рыжеватые, бурые — все вместе, всё переливается в лучах восходящего солнца.

Посмотрела на меня птаха и, внимательно помолчав, повторила:

«Зи-зи! Зи-зи! Цит!.. Зи-зи!..»

— А? Это ты? — сказал я. — Я тебя знаю...

«Зи-зи! Цит!..» — ответила птаха.

— Ну кто там? — спросила меня жена, когда я вернулся домой.

— Королёк, птица такая, — сказал я. — Старый приятель, я ещё в Африке видел...

Дочь и сын спокойно спали.

Королёк повторял и повторял:

«Зи-зи! Цит!.. Зи-зи! Зи-зи!..»

Но дети спали...

А королёк продолжал выдавать свои трели, никак не понимая, почему на него никто не обращает внимания.

Котёнкина мама

 сенью жил я в деревне. Совсем маленькой — на сорок дворов.

Хозяйка моя, Христина Георгиевна, была очень милой, доброй женщиной, и только в одном я чувствовал смущение когда она начинала спрашивать меня про животных. То ли ей сказал когда-то кто-то, то ли сама она читала мои «животные» рассказы, но её неожиданные вопросы порой ставили меня в тупик. Начинала она со слонов, которых сама не видела, переходила к верблюдам, бегемотам, лошадям, коровам, свиньям, собакам...

И вдруг:

— А вы кошечку эту видели? Ходит у дома и по огороду, сине-голубая с полосками красивыми. Она родила. Всех котят куда-то рассовала. Кошка от Третьяковых, а они, известно, всех котят топят. Вот она и ушла от них и бродит по деревне. К Третьяковым не заходит, поверьте, сама видела...

— Что нужно делать? — спросил я Христину Георгиевну.

— А что делать? Ясно, что делать! — сказала Христина Георгиевна. — Вот вы тут сидите, что-то пишете, вы — свободный человек. Надо поискать,

куда она прячет котят. Пока вам делать нечего — вы ищите, а я с работы возвращусь — тоже буду искать. Я уже сегодня утром на зорьке встала, козу в стадо выгнала и всё смотрела... Не нашла...

Признаюсь, что я не очень люблю кошек. Но эта — я её видел много раз — мне чем-то нравилась. Она бродила у дома, появлялась на огороде, а то и на дороге — всегда свехосторожная и, право, симпатичная. Шерсть, конечно, не голубая, а серая, но с голубизной и с бурыми полосами от головы и по бокам вплоть до хвоста. Увы, хвост был длинноват, но все остальное — красиво.

После разговора с Христиной Георгиевной я вышел на улицу. Кошки не было. Полчаса прошло и час, наверное, — я вернулся домой. Взял книгу — работать уже не мог.

И тут слышу: кто-то появился на подоконнике. Смотрю — она, эта самая кошка.

Я открыл дверь.

Действительно, она. По представлениям Христины Георгиевны, — «сине-голубая с полосками красивыми». По моим — вовсе не голубая, а серая с голубизной и с бурыми полосками от головы и по бокам вплоть до хвоста. Слишком длинного хвоста!

Но — она.

— Что ты хочешь? — спросил я её самым ласковым голосом. — Может, поесть?

Она замаякала, но в комнату за мной не пошла. Тогда я пошёл за нею.

Кошка привела меня в дровяной сарай, где... дрова — берёзовые, сосновые, осиновые — лежали в полном порядке.

А под ними лежал котёнок. Вовсе не похожий на свою маму — камышового цвета и совсем немаленький. Он бросился к маме навстречу и стал лизать её: голову, бока, а потом лапы. И мама облизывала котёнка, всё время поглядывая на меня: не уйду ли я. А вдруг я — Третьяков?

— Ну, иди! Чего ты боишься?

Я не люблю кошек, но и не люблю, когда топят котят.

Эта кошка спасла от Третьяковых единственного котёнка. Я не знаю Третьяковых и не знаю котят, кроме этого, оставшегося в живых. Этого нельзя было бросить.

Но что думает мама-кошка?

Я взял котёнка в руки, и мама позволила мне это сделать, вынес котёнка из дровяного сарая, и мама пошла за мной. Я внёс котёнка в дом, но тут мама остановилась за мной на пороге.

Я просил её, умолял даже:

— Ну, иди! Чего ты боишься?

Она не шла.

Так и осталась на улице.

Котёнка я напоил молоком, а когда вечером пришла с работы Христина Георгиевна, она ещё и манную кашу ему сварила. Он чувствовал себя отлично и маму-кошку не вспоминал.

А наутро я увидел на пороге дома задушенную мышь. Во второй половине дня — ещё двух мышей. К вечеру — ещё одну.

— Это она! — объяснила мне Христина Георгиевна. — Вот вы и я тоже — не Третьяковы. Так она оценила...

Котёнок, вовсе не вспоминая о маме-кошке, резвился в доме и доставлял нам с Христиной Георгиевной радость, хотя и отрывал меня от работы.

А котёнкина мать каждый день приносила своему сыну пойманных мышей и скромно клала их на порог чужого дома. Чужого дома, но не дома Третьяковых, где она жила раньше.

Есть такая птица

Летом вырвался я из Москвы за город. Решил написать книжку для детей. В Москве никак не получалось. А здесь хорошо. Лес вокруг. Слева и чуть в сторону пруды с повисшими над

водой плакучими ивами. Мне из окна их видно. И тихо. И никто не мешает. Я сижу, думаю о детях и пишу.

Но вот мухи!

Самые обыкновенные и даже необыкновенные мухи влетают ко мне в комнату. И начинают жужжать и кружиться то под потолком или над головой, а то и рядом — садятся на стол и ползают...

Я терпел.

И вдруг однажды на окне появилась птица. Не птица, а птичка, конечно, но мне она и тогда показалась птицей. Она очень внимательно посмотрела на меня. Глаза у неё карие, грудка серая — снизу светлее, сверху чуть темнее, а клюв с крючком. Лапы чёрные. И пестринки по бокам. Славная птаха!

На другой день она появилась уже не на окне, а влетела в комнату и сразу на лету уничтожила двух мух, которые мне особенно мешали.

Я сделал вид, что не заметил её.

Сидел за столом. Курил. Не писал, конечно, но делал вид, что пишу. Птаха покрутилась по комнате, села на стол, но тут же рванулась обратно. Может, её испугал табачный дым? Мне так показалось.

Утром я спал. Но проснулся: кто-то был в моей комнате. Уже рассвело, и я заметил знакомую

птицу: она сидела на окне и смотрела на меня своими необыкновенно маленькими карими глазами.

Так прилетала она ко мне каждый день. Ловила мух в комнате, а позже, осмелев, и на столе, за которым я работал. Мешала, конечно, но и забавляла.

Появились комары. Она и комаров ловила. В воздухе. Поскольку комары на стол не садились.

Я дописал книжку для детей.

А когда вернулся в Москву, рассказал друзьям про эту славную птаху, которая спасала меня от мух и комаров.

— Так есть такая птица! Это — мухоловка! По всем приметам мухоловка — серая!

Я не знал, что есть такая птица — мухоловка. Да ещё серая. Мне просто приятно вспомнить эту птаху.

Забракованный мишка

На киностудии снимали новый фильм. В фильме должна была быть такая сцена. В избу, где спит уставший с дороги человек, залезает медведь. Человек в испуге просыпается.

Ещё больше пугается, увидев человека, медведь. Он убегает в окно. Вот и всё. Пустяковая сцена, на две минуты.

Работникам студии потребовался медведь. Чтобы долго не искать, решили взять мишку из цирка. В городе как раз шла программа, в которой выступал дрессировщик медведей.

Наутро дрессировщик привёз на студию самого крупного медведя.

— Вы его не бойтесь, — сказал дрессировщик. — Мой Топтыгин совсем ручной.

В подтверждение его слов медведь добродушно облизал всем руки, охотно съел предложенное ему пирожное, а обнаружив в одном из залов студии велосипед, ловко прокатился на нём.

— Действительно, артист! — обрадовался режиссёр. — Нам именно такой и нужен. Мы его даже без репетиции снимем!

В павильоне студии была построена часть избы — с окном и дверью и с лавкой у стены. В дверь мишка должен был войти, в окно — выскочить.

Настал день съёмок. Приготовили аппараты. Артист лёг на лавку, притворился спящим. Режиссёр дал команду. Включили яркий свет. В приоткрытую дверь избы дрессировщик впустил медведя. И тут произошло неожиданное. Попад на яркий свет, мишка встал на задние лапы и начал танцевать. Затем он несколько раз пе-

рекувырнулся через голову и, довольный, уселся посреди избы.

— Нет! Нет! Отставить! Так не пойдёт! — закричал режиссёр. — Почему он танцует и кувыркается? Это же дикий медведь!

Смущённый дрессировщик виновато увёл медведя за декорации. Всё начали сначала. Опять команда. Опять артист растянулся на лавке. Опять включили яркий свет.

Мишка, просунувшись боком в полуоткрытую дверь избы, увидел яркие лучи прожекторов, тут же поднял задние лапы и прошёлся «на руках».

— Стоп! Отставить! — закричал раздосадованный режиссёр. — Неужели нельзя ему как-нибудь объяснить, что всё это не нужно?

Но объяснить мишке было трудно.

Так прошёл весь день. И следующий. И ещё один. И всё равно, как только начиналась очередная съёмка и мишка попадал под свет прожекторов, он начинал старательно выполнять знакомые ему цирковые номера.

Наконец режиссёр не выдержал.

— Ваш медведь нам не подходит, — сказал он дрессировщику. — Он, видите ли, артист, а нам нужен простой, необразованный медведь...

Так и пришлось дрессировщику увести своего «забракованного» Топтыгина.

Зато сам мишка, по-видимому, остался очень

доволен тем, что так хорошо выполнил свою программу. Уходя из студии, он вежливо со всеми раскланялся: мол, будьте здоровы, друзья, до следующего представления!

Необычный почтальон

По дороге в деревню Озерки мы нагнали бричку. Но, к нашему удивлению, седока в ней не оказалось.

Мы вылезли из машины. Я остановил лошадь. Она беспрекословно послушалась, стала на дороге. Мы заглянули в бричку. К сиденью был привязан мешок. В нём лежали газеты и письма.

— Странно! — сказал мой приятель. — Бричка почтовая, а где почтальон?

— В том-то и дело!

Пока мы рассуждали, лошадь стояла. Но вот она увидела, что мы возвращаемся к машине, и двинулась в путь.

— Поедем потихоньку за ней и посмотрим, — предложил мой приятель.

До Озерков было ещё километра два. Мы продолжали медленно двигаться вслед за бричкой. Лошадь спокойно трусила по дороге, лишь из-

редка замедляя шаг и оглядываясь в нашу сторону.

Наконец мы въехали в село. Лошадь свернула с дороги и остановилась возле второй крайней избы. Мы тоже остановились. В это время из калитки вышел старик, деловито привязал лошадь к столбу и стал снимать мешок.

Заметив нас, он спросил:

— Любопытствуете?

— Да не просто любопытствуем, — сказал я, — удивляемся. Может, случилось что с почтальоном?

— А чему ж тут случаться? — хитро засмеялся старик. — Вот она и есть наша почтальонша — Марья Иванна, а попросту Машка! — И он похлопал лошадь. — Дорога у нас до почты близкая, ей известная. А там её уже все знают. Вот она и бега-ет туда-сюда.

Мы весело переглянулись.

— А всурьёз-то говорить, прямо беда с этими почтарскими делами, — пожаловался старик. — Молодые не идут нонче в почтальоны и верно делают. Что за работа: три версты туда да три обратно. Я на пенсию вышел, вот по старой привычке и несу почтарские обязанности. Вроде бы как на общественных началах! Да и Марья Иванна помогает. Недостаток у неё, верно, есть один — неграмотная! Расписываться не может. Когда

там посылки есть или переводы на деньги, самому приходится. А так справляется! Ладно работает!

Зачем белке хвост

Шли два первоклассника из школы. Дорога самая короткая — через лес и речку Вертушинку. Хотя погода и пасмурная, а так быстрее. По шоссе идти — лишний километр. Зачем же терять время? Время дорого!

В лесу поймали первоклассники белку. Их много сейчас в наших лесах. Как поймали, не знаю. Но поймали. Белка красивая. Бурая или красная — трудно сказать, но она казалась красной. И только у подбородка — белый треугольник. А хвост — пушистый и даже лохматый — чуть не больше самой белки. Глаза — бусинки.

Заспорили первоклассники, кто первым белку поймал, а пока спорили, мучили её в руках, как могли. Белка терпела, терпела да и укусила одного из первоклассников — того, который не сам белку поймал, а доказывал, что сам. И удрала. Сначала по земле, а потом по ели и куда-то вверх.

Заревел первоклассник.

Тут я и подошёл.

— Чего ревёшь?

— А он... А она...

Второй первоклассник при мне тоже готов был зареветь:

— Это он... А она... Я... Но он...

Погода стала хмуриться. Накрапывал дождь.

— Вы в Глухово? — спросил я ребят.

— Ага, — ответил один из них.

— Пошли, а то дождь разойдётся...

Первоклассники шли рядом со мной и молчали. И я молчал. Наконец спросил:

— А зачем белке хвост?

— Как? Как — зачем? — удивились оба.

— Ну вот вы держали только что белку, видели, какой у неё большой хвост, а зачем он ей?

— Для красоты, — неуверенно сказал один первоклассник.

— Для того чтоб с дерева на дерево летать, — сказал второй, тот самый, которого белка укусила.

— Верно!.. — сказал я. — А ещё?

Ничего мне не могли сказать первоклассники.

Прошло два или три дня, меня позвали:

— Вас тут какие-то ребяташки ищут!

Я вышел на улицу. Смотрю — мои знакомые первоклассники.

— Дядь, пошли с нами, — сказал один.

— Мы вам что-то покажем, — добавил другой.

— А дождь? — спросил я.

Дождь моросил вовсю.

— Нам как раз дождь и нужен. А без дождя что? — сказали ребята.

Мы пошли в лес. По тропинке, как раз до того места, где первоклассники белку поймали.

— Смотрите! Смотрите! Туда смотрите! — наперебой шептали ребята, успокаивая друг друга. — Да тише ты! А ты — тоже тише! А то спугнём.

На ветке ели сидела белка. Хлестал дождик, но белка прикрылась хвостом, и ей, кажется, не было страшно.

— Наша, — прошептал один первоклассник.

— Вот бы ей гнездо сделать, а то так плохо, — тихо сказал другой. — Она, конечно, и зимой может так хвостом прикрываться.

— Теперь мы знаем, зачем белке хвост, — сказал первый. — Вы тогда спрашивали, а мы не знали.

— Вот видите, — сказал я, — и для красоты, и для того, чтобы летать с дерева на дерево, и для тепла нужен белке хвост-зонтик и хвост-шубка...

Сложное поручение

В годы войны был у меня товарищ. Мы шутили называли его звероводом. Это потому, что по профессии он зоотехник, работал раньше в зверосовхозе. Ну а на фронте, в нашем артиллерийском дивизионе, он был разведчиком. Очень гордился наш зверовод своей военной профессией. И верно, лихим разведчиком он был!

Мы стояли на окраине большого немецкого города, когда нашего зверовода неожиданно вызвал к себе командир дивизиона.

— Вы были до войны зоотехником? — с ходу спросил он.

— Так точно!

— И работали в зверосовхозе?

— Так точно. Выращивал соболей и серебристых лисиц.

— Отлично! — сказал командир. — Берите мою машину и немедленно отправляйтесь к коменданту города. Он ждёт.

Ничего не понимая, зверовод спросил:

— А разрешите узнать, товарищ майор, зачем?

— Там узнаете, — сказал майор, сдерживая улыбку. — Торопитесь!

Прибыл зверовод к коменданту города — молодому подполковнику.

Комендант задал ему те же самые вопросы, а потом сказал:

— Очень хорошо. Есть поручение. Немедленно отправляйтесь в зверинец и берите бразды правления в свои руки. Я подписываю приказ о вашем назначении комендантом зверинца. Даю в ваше распоряжение роту солдат. Обеспечьте животных едой, накормите всех до одного, а то они кричат там с голоду. Немцы их уже дня четыре не кормили. И ещё одно, самое сложное. Там есть бегемот. Его ранило осколком в спину. Надо немедленно оказать ему помощь...

— Но простите! — взмолился зверовод. — Я же зоотехником был, с лисами дело имел, но никогда...

— Я до войны тоже никогда не был комендантом города, — перебил его подполковник. — Музыку преподавал в школе. А сейчас приходится. Выполняйте! И в случае чего беспокойте меня. Смотрите, чтобы ни одна зверюга не пропала!

Хочешь не хочешь, а приказ пришлось выполнять. Явился зверовод на место новой службы и ужаснулся. Хоть и небольшой зверинец, а хлопот полон рот. Тигр, два медведя, обезьяны, птицы — все режут и галдят, еду просят. В бассейне голодные тюлени мечутся. Испуганные олени и горные козлы по дорожкам зверинца бегают. А тут ещё раненый бегемот! Плавает бедняга в во-

де, вздымая волны, и от боли орёт так, что хоть уши затыкай.

Принялся зверовод за работу. Сначала самое сложное сделали: накинули на бегемота канат, зацепили, подтащили его к решётке и тут связали. Теперь можно и рану промыть, залить её йодом и наложить швы. Рана не очень серьёзная, а кожа у бегемота толстая — заживёт!

Пока часть солдат возилась с бегемотом, другая ловила разбежавшихся животных да корм для них доставала.

Приближался вечер. Насытившиеся звери немного успокоились.

Настал час нашего отъезда. Зверовод, обрадованный тем, что справился с порученным заданием, прибежал к коменданту города.

— Разрешите, товарищ подполковник, ехать со своими? — попросил он.

— Нет! Так дело не пойдёт, — сказал комендант. — Оставайтесь на месте до тех пор, пока мы не найдём сведущих в «зверином» деле людей. Я уже послал запрос. А потом вы догоните своих.

— Да понимаете, — взмолился зверовод, — стыдно мне! Этот бегемот за мной неотступно ходит, ну как поросёнок какой. Ребята смеются. Ведь я разведчик всё же, а тут бегемот...

— Ничего! — улыбнулся комендант. — Придётся потерпеть! Выполняйте!

Так мы и уехали без нашего зверовода. А догнал он нас лишь через две недели возле Эльбы.

Первым делом явился к командиру дивизиона:

— Разрешите доложить, товарищ майор! Ваш приказ выполнен. Зверинец в полном порядке. Потерь нет. Бегемот здоров!

— Благодарю за службу! — весело сказал командир.

— Служу Советскому Союзу! — ответил наш товарищ.

С того дня так и стали мы звать нашего зверовода комендантом бегемота.

Хитрый симпатяга

Когда я был на Дальнем Востоке, то долго думал, что бы поинтереснее привезти оттуда в подарок своим ребятам. Тигра, пожалуй, не довезёшь, мишку — тоже, ну а кита — и подавно.

— А вы бурундучка отвезите, — подсказали мне охотники. — Мы его мигом словим. Он безобидный, симпатичный, в дороге удобный.

Достали они мне бурундучка. Маленький — меньше белки, рыжеватый, с чёрными полосами на спине и хвосте. На мордочке большие любо-

пытные глаза и такие же любопытные уши. В общем, не зверь, а симпатяга. Так я его и назвал.

Приготовили Симпатяге небольшой ящичек с дырками, насыпали туда немного зерна и ягод. Только на дорогу!

Я взял ящичек и поехал на аэродром. На «ТУ-104» до Москвы одиннадцать часов полёта. Погода хорошая. Доберусь!

В самолёте Симпатяга вёл себя настолько спокойно, что мои соседи даже не обратили внимания на незнакомого пассажира. Взревели моторы, и наша машина поднялась за облака. Теперь совсем хорошо: никто не услышит, как шевелится Симпатяга.

А Симпатяга шевелился, подставлял свою мордочку к дыркам ящика, пыхтел. Видно, очень ему было любопытно посмотреть, где он находится.

Прошло несколько часов полёта, и мы — в Иркутске. Посадка, опять взлёт, и вскоре Новосибирск. А от Новосибирска до Москвы рукой подать!

Вот уже самолёт наш идёт на посадку. Я прислушиваюсь. Симпатяга что-то замолк. Только что грыз зерно, поминутно подбегал к дыркам — и вдруг всё тихо.

Вышли мы из самолёта. Я сразу же приоткрыл ящик — хотел посмотреть, что случилось, но не

тут-то было. Не успел я опомниться, как мой Симпатыга уже бежал по бетонному полю аэродрома в сторону леса. Да так бежал, что, наверно, на машине его не догонишь — не только пешком. Через минуту и хвоста его не было видно.

— Вот вам наказание за провоз незаконных пассажиров! — пошутил один из лётчиков.

— Да! Обидно. Перехитрил меня Симпатыга, — сказал я. — Доставил его бесплатно из Владивостока в Москву, а он удрал!

Прошёл месяц. Как-то в выходной день поехали мы с дочкой в лес. Он как раз неподалёку от аэродрома находился.

Ходим мы по лесу, грибы собираем.

Вдруг дочка как закричит:

— Папа! Папа! Смотри, зверёк!

Я подбежал. Гляжу — своим глазам не верю: сидит на суку мой Симпатыга. Сидит и на нас хитро так поглядывает.

— Это белочка, — говорит дочка. — Только почему-то очень смешная: полосатая вся.

Ну, я уж не стал огорчать её — рассказывать, как сбежал мой дальневосточный подарок. А про себя подумал: «Определённо это мой! Иначе, откуда же появился бурундук в Подмосковье!»

Желтопузик

В Туркмении, в каракумских песках, мы остановились в колхозе. Приехали поздно, но нас ждали. Глубокой ночью мы расстались с друзьями, и меня повели спать — в маленький домик в саду, милый и спокойный.

Там я и устроился и сразу уснул.

То ли во сне мне приснилось, то ли наяву я услышал страшную возню в комнате — и писк, и крик какой-то с придыханием. Показалось — змея!

Я зажёл свет, закурил и ничего не увидел. Никого. И звуки все стихли.

«Может, приснилось? — подумал я. — Я немного знаю змей. Когда-то ужи у меня водились. Давно — в детстве. Да и потом видел — разных».

Всё было тихо. И я опять попытался уснуть, выключив свет. Но только выключил, на полу началась возня. Сначала под моей кроватью. Потом шуршание, опять писк и крик с придыханием.

Я включил свет.

На полу было непонятное. Лежали две змеи. Одна — тонкая, длинная, плоская, с тёмными зигзагами на чешуе. Голова её, маленькая, но шире, чем тело, лежала отдельно. Гадюка! А ря-

дом с ней победоносно лежал желтопузик. Как длинная, вытянутая шина. Сверху серо-чёрный, а по брюху жёлтый. Желтопузик!

Он лежал как победитель и смотрел на меня круглыми, очень круглыми глазами. Извивался, и хвост его дрыгал. Как у собак, когда они довольны.

Я позвал его, поманил, но он не пополз ко мне, а сильнее вцепился в голову гадюки и, извиваясь, поволок её куда-то, видимо на улицу, поскольку дверь я не закрывал. Потом вернулся, вновь бросил на меня взгляд круглых своих глаз и схватил остальное: потащил туловище гадюки.

Время шло к рассвету. И уже гудели Каракумы голосами птиц и насекомых — всё пело, жужжало и ожидало нового дня.

Конечно, я не уснул, хотя и старался. Лежал и думал, как утром расскажу своим новым друзьям про ночное приключение. И добавлю, между прочим, что если бы не этот желтопузик, то гадюка могла...

Настало утро.

— Как спали? — спросили друзья.

— Отлично спал! — ответил я. И на всякий случай посмотрел на пол. Следов гадюки не было. Но не было и желтопузика. А жаль!

Почему я боюсь ящериц

авно, когда я был мальчишкой, жила у меня ящерица. Зелёная, с синими отливами и на теле, и на длинном хвосте. Симпатичная.

У ящерицы был домик — я сам построил из фанеры — с маленьким стеклянным окошком. Я кормил её мучными червями, а это было непросто. За червями надо было ходить в зоомагазин на Кузнецком мосту. Это — сразу две проблемы. Деньги нужны для червей — раз. А деньги выпросил у родителей — червей нет в магазине.

Но всё было хорошо, даже слишком хорошо. Ящерица привыкла ко мне. Не кусалась, когда я брал её в руки, бегала по рукам и по плечам, по шее и по голове и смотрела на меня в ожидании: я должен её чем-то угостить.

Длинный её язычок почти облизывал мои пальцы, она ждала. Я давал ей из рук мучного червя.

Как-то пришёл ко мне товарищ по школе. Я показал ему ящерицу.

— А ты её за хвост можешь схватить? — спросил товарищ.

— Не знаю, — сказал я. — Наверно, могу...

И, к удовольствию своего товарища, я храбро схватил ящерицу за хвост.

— Здорово! — сказал мой товарищ. И ушёл.

Когда он ушёл, я увидел страшное: хвоста у ящерицы не было. Хвост лежал... Да что там лежал?! Хвост валялся на полу!

Я положил бесхвостую ящерицу в её фанерный домик с маленьким стеклянным окошком.

Через два дня она умерла. Она ничего не ела. Я закопал её в землю на Чистых прудах.

Много лет прошло с тех пор. Видел я всяких ящериц, и дети мои не раз просили меня: «Папа, давай купим...»

Нет! Не могу!

Будто есть у меня вина перед той, довоенной, которую я не сохранил...

Пчелиная напасть

Жил я в детстве в деревне на Ярославщине. Всем был доволен: и рекой, и лесом, и полной свободой.

Часто сидел с ребятами в ночном у костра.

Но было одно «но». Вот об этом «но» я и хочу рассказать.

У хозяина дома, в котором мы жили, было несколько ульев с пчёлами. Говорят, пчёлы — ми-

ролюбивые существа, если их не обижать. И верно: наши пчёлы никого не кусали, не трогали. Никого, кроме меня.

Стоило мне выйти из избы, как какая-нибудь пчела обязательно меня укусит. А бывали дни, когда меня жалили и по нескольку раз.

— Балуюсь ты много, — говорила мать, — вот они тебя и кусают.

— Да вовсе не балуюсь, — оправдывался я. — Совсем их не трогаю.

«Что за напасть такая! — думал я. — Может, они меня перепутали с кем-то? Ведь другие пчёлы не жалят меня — в лесу, в поле, — а свои...»

Время шло, и не было дня, чтобы я избежал этой пчелиной напасти. То под глазом у меня шишка, то на щеке, то на затылке, а однажды пчела ужалила в спину, и я совсем измучился: почесать укушенное место и то нельзя — рукой никак не дотянешься.

Хотел я спросить нашего хозяина, почему пчёлы меня не любят, но побоялся. «Подумает ещё, что я действительно их обижаю. Как я ему докажу, что вовсе их не трогаю? А ведь пчела, говорят, после того как ужалит, умирает. Значит, немало их по моей вине погибло».

Но вышло так, что я всё равно не избежал разговора с хозяином. И хорошо, а то бы всё лето мучился.

Как-то вечером сидел я весь искусанный за столом, ужинал. Вошёл в комнату хозяин, спрашивает:

— Тебя что, пчёлы опять покусали?

— Покусали, — говорю. — Только вы не подумайте, что я их дразнил. Я к ульям и близко не подхожу...

Хозяин недоверчиво покачал головой.

— Странно, — говорит. — Они у меня смиренные...

А сам, вижу, ко мне присматривается.

— А ты лук любишь? — спрашивает вдруг он. — Вроде луком от тебя пахнет.

Я обрадовался, что меня не ругают за пчёл, и отвечаю.

— Да, очень люблю! Каждый день, наверное, кило зелёного луку съедаю. С солью да с чёрным хлебом. Знаете, как вкусно!

— Вот, брат, за это они тебя и кусают, — рассмеялся хозяин. — Мои пчёлы прямо не переносят запаха лука. Да и вообще пчёлы к разным запахам очень привередливы. Есть такие, что одеколон не любят или керосин, а мои — лук. Придётся тебе воздержаться от лука.

С того дня я за всё лето больше ни одной стрелки лука не съел. Если даже в супе попадался — всё равно выбрасывал. Боялся, что пчёлы покусают.

А они и верно перестали меня жалить. Однажды я даже рядом с ульями стоял, когда соты из них вынимали, и то пчёлы не тронули меня!

ВЕЖЛИВЫЙ БЫЧОК

У опушки леса пасся бычок. Маленький, месяц от роду, но довольно плотный и бойкий.

Бычок был привязан верёвкой к колышку, вбитому в землю, и так, привязанный, весь день ходил по кругу. А когда верёвка слишком натягивалась, не пуская бычка, он поднимал морду с неровной белой звёздочкой на лбу и тянул неустановившимся, дребезжащим голосом: «М-м-му!»

Каждое утро мимо бычка проходили ребята из детского сада, отдохавшие по соседству.

Бычок переставал щипать траву и приветливо кивал головой.

— Поздоровайтесь с бычком, — говорила воспитательница.

Ребята хором здоровались:

— Здравствуй! Здравствуй!

Они говорили с бычком, как со старшим, на «ВЫ».

Потом ребята, идя на прогулку, стали приносить бычку разные лакомства: кусок сахара, или сдобную булку, или просто хлеб. Бычок охотно брал угощение прямо с ладони. А губы у бычка мягкие, тёплые. Так, бывало, приятно пощечет ладошку. Съест и головой закивает: «Спасибо за угощение!».

— На здоровье! — ответят ребята и побегут на прогулку.

А когда вернутся, вежливый бычок снова приветливо кивнёт им головой:

«М-м-му!»

— До свиданья! До свиданья! — хором отвечали ребята.

Так повторялось каждый день.

Но вот однажды, отправившись на прогулку, ребята не нашли на прежнем месте бычка. Опушка была пуста.

Ребята заволновались: не случилось ли что-нибудь? Стали звать бычка. И вдруг откуда-то из лесу раздалось знакомое:

«М-м-му!»

Не успели ребята опомниться, как из-за кустов, задрав хвост, выбежал бычок. За ним тянулась верёвка с колышком.

Воспитательница взяла верёвку и вбила колышек в землю.

— А то ещё убежит, — сказала она.

И вновь бычок, как прежде, поздоровался с ребятами:

«М-м-му!»

— Здравствуйте! Здравствуйте! — отвечали ребята, угощая бычка хлебом.

На следующий день повторилось то же самое. Сначала бычка не было, а потом, когда он появился, за ним тянулась верёвка с выдернутым колышком.

И опять пришлось воспитательнице привязать бычка.

Ребята пошли дальше в лес. Стали играть. Вдруг навстречу им женщина.

— Вы здесь поблизости бычка не видали? — спрашивает. — Чёрненький такой, со звёздочкой на лбу.

— Видели! Видели! — закричали ребята.

— Он на месте, на опушке, — сказала воспитательница. — Я его там привязала.

— Вот чудеса! — пожала плечами женщина. — Второй день привязываю бычка на новом месте, а нахожу на старом. Понять не могу, чем оно ему так полюбилось!

— Наверное, он к ребятам моим привык, — засмеялась воспитательница. — Бычок у вас вежливый, каждый день с нами здоровается.

— Не уводите его от нас! — стали просить ребята. — Мы с ним дружим!

— Да уж если дружки просят, придётся оставить! — согласилась женщина. — Раз он с ребятами подружился...

Наутро ребята отправились в лес. На опушке леса, как и прежде, их ждал бычок.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — закричали ребята.

И довольный бычок закивал им в ответ головой:

«М-м-му!»

Содержание

Спелая вишня	3
Слепыши	5
Простуженный ёжик	8
Енот-полоскун	10
Их было двое... ..	13
Случай в поезде	17
Ехидна	20
Коллективная печка	25
Смелый поросёнок	27
«Зи-зи»	31
Котёнкина мама	34
Есть такая птица	37
Забракованный мишка	39
Необычный почтальон	42
Зачем белке хвост	44
Сложное поручение	47
Хитрый симпатяга	50
Желтопузик	53
Почему я боюсь ящериц	55
Пчелиная напасть	56
Вежливый бычок	59

Серия «Внеклассное чтение»

Для младшего школьного возраста

Сергей Баруздин

ВЕЖЛИВЫЙ БЫЧОК

Рассказы о животных

Художники В. Белоусов, С. Набутовский

Редактор Н. Терентьева

Художественный редактор Д. Гончарова

Компьютерный дизайн Е. Немирова

Компьютерная верстка В. Лунёв

Корректор Т. Тарасова

Подписано в печать 25.10.07. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 4,0

Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная. Печать офсет.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 560.

ООО «Стрекоза». 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 4, корп. 4.

ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Телефоны для реализации:

(495) 641-10-27, (4872) 41-06-37

107076, г. Москва, Стромынский пер., 4.

E-mail: strecoza@df.ru

Наш сайт: www.strecoza.ru

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

С. Баруздин

Вежливый БЫЧОК

ПРОСТУЖЕННЫЙ ЁЖИК

ЕНОТ-ПОЛОСКУН

ЗАКРАКОВАННЫЙ МИШКА

НЕОБЫЧНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

ХИТРЫЙ СИМПАТЯГА

и другие рассказы

ISBN 978-5-89537-493-1

9 785895 374931 >

«СТРЕКОЗА»